

Ожидавшие в прихожей люди широко раскрыли глаза, с невероятным изумлением глядя на то, как этот прославленный джентльмен выходит из допросной, прижимая к груди грязного, с неразличимым лицом ребёнка.

Тощий маленький мальчик казался не слишком-то спокойным на руках у мужчины: его тонкая талия с неудовольствием изогнулась, но Молан тут же мягко, но непреклонно придержал его.

Похоже, он действительно пережил нечто ужасное.

На паре худеньких ног, выглядывающих из-под шорт, виднелись два синяка — похоже, набитых от долгого стояния на коленях. Цзян Чи от природы обладал бледной кожей, поэтому любые следы на ней бросались в глаза донельзя, а на фоне остальной неповреждённой кожи они пробуждали самые разные домыслы.

Кто бы мог подумать, что с виду такой правильный офицер Брайт заходит в своих играх так далеко — внешность действительно обманчива.

Цзян Чи, изображая из себя несчастного, прижался к груди Молана и, наслаждаясь зрелищем и не боясь зайти слишком далеко, слушал, как полицейский, ещё недавно качавший перед ним права, теперь в бешенстве ругается со своим начальником.

Он до того увлёкся подслушиванием, что совершенно не заметил, как липкий и ледяной взгляд, подобно змее, впился в него сзади.

— Джек Дэвис! Чго ты застыл, живо открой дверь нашему уважаемому господину Молану! — завопил, вытянув шею, тот самый знакомый толстый полицейский, так что Цзян Чи тут же вернулся к реальности.

Он осторожно зарылся лицом в воротник Молана, пахнувший лёгким ароматом белой камелии, и украдкой бросил взгляд в сторону источника шума.

Это был тот щуплый полицейский, который в день гибели Лив ходил по пятам за толстяком и вёл протокол. На вид ему не было и тридцати, у него были каштановые кудрявые волосы, а вполне миловидное лицо усыпано мелкими веснушками. Он вечно сутулился и втягивал голову в плечи, словно привык, что на него все шпыняют.

Услышав столь яростный крик толстого полицейского, он опрометью бросился к выходу, чуть опустив на глаза выцветшую фуражку, и толкнул запертые створки дверей.

Слишком яркое солнце упало на веки Цзян Чи, и он с неудовольствием потёрся щекой о ткань, укрываясь от лучей.

Молан, словно почувствовав это, протянув руку в бархатной перчатке, легко прикрыл лицо

Цзян Чи.

Подобный пугливому зверьку слепой красавец тут же с нежностью потерелся щекой о бархат, заискивающе прильнув к нему:

— Сэр, спасибо, что пришли.

— Если бы вы не появились, меня наверняка объявили бы убийцей!

Он тихо шептал прямо на ухо мужчине, и от его дыхания исходил слабый, дразнящий аромат.

— Сэр так добр ко мне, но я совершенно не знаю, чем могу отплатить.

Мягкое нежное тело прижалось к плащу с металлическими пряжками, а сияющие белизной руки, что казались чище лунного света, любовно обвили шею мужчины.

Шея — самое уязвимое место человека, стоит лишь немного надавить, и можно запросто сломать шейные позвонки.

Настоящий киллер никогда никому не позволит прикоснуться к своей шее.

Но Цзян Чи — он всего лишь хрупкий, подобный повителю красавец. Без прочного ствола, за который можно цепляться, ему суждено лишь захапнуть и сгинуть в ещё более глубоком мраке.

— Я готов ради вас на всё, сэр. Он явно ничего не видел, но в тех влажных, блестящих глазах затуманилась тонкая пелена слёз. Каждое слово он произносил с такой трепетной нежностью, словно и впрямь был готов отдать этому мужчине всё.

Этот слепой мальчишка и в самом деле так легко поддавался заброшенным чарам: стоило оказать ему самую малейшую милость, как он тут же готов был всецело преподнести себя — и своё источающее аромат тело, и чистую душу.

Молан опустил глаза. Нежная кожа юноши была так близко — стоило лишь наклониться, чтобы впиться зубами в это источающее благоухание, похожее на баранье сало белоснежное тело.

Съесть его.

На губах мужчины проступила мягкая, теплая, подобная весеннему ветру улыбка: — Хороший мальчик, тебе ничего не нужно делать.

Он привёл Цзян Чи к себе домой.

Цзян Чи с удивлением обнаружил, что в похожем на декорацию к фильму ужасов старом замке теперь суетится множество слуг. Горничная в длинном платье легким движением шагнула вперед, принимая из рук хозяина ветрозащитное пальто.

Молан держал Цзян Чи за руку, а тот растерянно прислушивался к оживленной суете в доме.

Горничная, казалось, ничуть не удивилась тому, что хозяин внезапно привел с собой юношу, и даже с улыбкой протянула Цзян Чи стакан горячего молока.

Цзян Чи труднее всего было отказывать добрым и нежным старшим сестрам, поэтому он в каком-то полузабытии выпил белую жидкость до дна.

— Сэр, я... — похоже, он совершенно не привык к чужим ухаживаниям и до того смущенно переминался с носка на пятку, что казалось, будто он вовсе не может стоять на месте.

Молан наклонился, поддровши за подбородок, и ласково произнес: — Если Сяо Чи захочет, ты можешь остаться здесь навсегда.

— Навсегда? — Цзян Чи растерянно посмотрел на мужчину и тревожно скомкал в пальцах край одежды.

Мужчина, глядя на юношу, который совершенно не подозревал, что сам добровольно идет в пасть к тигру, смотрел на него с непонятной, странной улыбкой в глазах, казавшихся бездонными омутами: — Разумеется.

Неизвестно когда он оказался позади Цзян Чи и, наклонившись, целиком заключил хрупкого юношу в свои объятия: — Если Сяо Чи пожелает, то может стать вторым хозяином этого поместья.

Для такого выходца из низов, скатившегося до продажи собственного тела ради выживания, это была просто невероятная, сказочная честь. Однако на чистом лбу юноши выступил мелкий холодный пот.

— Сэр, — его голос дрожал. — Я не...

Инстинктивно он хотел отказаться: звериное чутье снова подсказывало ему, что перед лицом столь непреодолимого искушения скрывается лишь обернутая в сахарную глазурь западня.

Если он легкомысленно согласится, то пути назад уже не будет.

Заметив испуг юноши, мужчина наклонился и легко сжал его узкие плечи. Цзян Чи был таким тощим, что Молану хватило бы и одной руки, чтобы запросто обхватить его плечи.

— Разве ты не говорил только что, что готов отдать мне всё?

— Неужели Сяо Чи — плохой мальчик, который умеет лгать?

Голос мужчины по-прежнему звучал так мягко, что в нем можно было утонуть, однако Цзян Чи уловил в нем леденящий душу мороз.

<http://bllate.org/book/20566/2055040>